В. Потто.

АБХАЗІЯ.

— Изданіе 2-е. —

ОДОБРЕНО Цирк. Главн. Штаба 1903 г. № 104 и ДОПУЩЕНО Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, какъ для библіотекъ, такъ и для публичныхъ чтеній.

Издалъ В. Березовскій
Коммиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній.
С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.

Спб.—Типографія Э. Арнгольда, Литейный просп., № 59.

Абхазія.

По берегу Чернаго моря, начиная отъ Гагръ до рѣки Ингура, лежитъ Абхазія—одна изъ благодатныхъ странъ Кавказа, покрытая вѣчною, неувядающею зеленью. Здѣсь подъ открытымъ небомъ растутъ лимонныя, персиковыя и чайныя деревья, цвѣтутъ розы и лавры, есть цѣлыя пальмовыя рощи, и громадные дѣвственные лѣса еще неприступнѣе и диче, чѣмъ лѣса Мингреліи и Имеретіи. Всякая растительность, имѣющая характеръ травъ и кустовъ,

подъ вліяніемъ абхазскаго солнца принимаетъ древообразныя формы, достигая гигантскихъ размѣровъ. Тонколиственныя азаліи, съ своими красивыми желтыми цвѣтами, испускающими тяжелый, одуряющій запахъ, вытягиваются до шести аршинъ и покрываютъ собою долины и поля Абхазіи; гигантскій папоротникъ встрѣчается въ видѣ густыхъ и частыхъ посѣвовъ; колѣнчатый рододендронъ – краса Черноморскаго прибрежья, съ длинными листьями и роскошными лиловыми букетами, образуетъ цѣлыя чащи по скатамъ и оврагамъ. И надо всѣмъ этимъ раскидываютъ темнозеленую листву деревья: чинаръ, букъ, каштанъ и пальма...

Край этотъ могъ бы считаться однимъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ земного шара, если бы не его нездоровый климатъ. Громадные лѣса, особенно колоссальные папоротники, скрываютъ подъ собою болота, служащія источникомъ губительныхъ лихорадокъ. Опытъ показалъ, однакоже, что если папоротникъ выкашивать три года сряду, то онъ погибаетъ окончательно, и тогда на мѣстѣ нездоровыхъ болотъ образуются превосходные покосы и луга. Это обстоятельство такъ важно и такъ очевидно, что предъ нимъ не устояла даже классическая лѣнь абхазцевъ, и тамъ, гдѣ они истребляли папоротникъ, климатъ быстро измѣнялся къ лучшему.

Богатая почва Абхазіи, казалось, должна бы

служитъ источникомъ довольства и даже роскоши для ея обитателей. Въ дѣйствительности она-то и служитъ причиною ихъ крайней бѣдности. Абхазцы сѣютъ только гоми [1]) и кукурузу, которые не требуютъ ухода и даютъ чудовищные урожаи; и потому абхазецъ работаетъ въ теченіе года много 20—30 дней, а остальное время проводитъ въ безпечной бродяжнической жизни. Только немногіе изъ нихъ промышляютъ ловлею дельфиновъ, которыхъ у береговъ Чернаго моря такъ много, что они нерѣдко опрокидываютъ каюки охотниковъ; но абхазцы этого не боятся, потому что плаваютъ не хуже дикарей океанійскихъ острововъ.

Абхазцы были когда-то христіанами, потомъ, подъ вліяніемъ Турціи, приняли исламъ, затѣмъ многіе снова возвратились къ христіанству, и, въ концѣ концовъ, не было у нихъ ни одной религіи, которая сохранила бы свою чистоту. И христіане и магометане одинаково исполняли лишь наружные обряды, и только одни абазины придерживались строго магометанскаго закона.

Не отличаясь религіозностью, абхазецъ въ то же время не отличался ни умственными способностями, ни строгою нравственностію. Въ его національномъ характерѣ рѣзко выдѣлялись: отвращеніе

---

[1]) Родъ проса.

къ честному труду, воровскія наклонности, корыстолюбіе и вѣроломство. «Помоги тебѣ Богъ», говорила мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку, «пріобрѣсти этою шашкою много добычи и *днемъ* и *ночью*»,—иначе сказать: путемъ правымъ и неправымъ. Вся слава абхазца состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, воровать чужой скотъ и имущество, а при удачѣ, и самихъ поселянъ для продажи въ неволю. Позднѣе, подъ властью русскихъ, торговля людьми стала для нихъ трудна, если не совершенно недоступна; но воровать можно было почти попрежнему, отдѣлываясь только временнымъ заключеніемъ, а выпущенный изъ-подъ ареста абхазецъ не безъ гордости говорилъ, что онъ воротился изъ плѣна.

Убить кого-нибудь изъ засады было въ Абхазіи дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, чему способствовали густые лѣса, гдѣ, даже видя непріятеля, не всегда возможно было до него добраться. То и дѣло получались извѣстія о солдатахъ, о казакахъ, даже о самихъ абхазцахъ, убитыхъ въ лѣсу невѣдомо кѣмъ; и хотя все это обыкновенно валилось на цебельдинцевъ, но справедливость требуетъ сказать, что никто такъ не способенъ пырнуть ножомъ изъ-за угла, какъ житель самой коренной Абхазіи.

Всѣ народы абхазскаго племени носили черкес-

скую одежду, которая отличалась, однакоже, двумя особенностями, не важными, но весьма примѣтными для жителей горъ: черкеска абхазцевъ была гораздо короче черкески сосѣднихъ съ ними племенъ Адыге, а башлыкъ они обвивали около шапки, въ видѣ чалмы, чего никогда не дѣлали черкесы; кромѣ того, у черкесовъ башлыкъ всегда былъ бѣлаго цвѣта, а у абазинъ и абхазцевъ—черный или коричневый.

Когда-то Абхазія славилась своими красавицами, и у абазинъ остались еще яркіе слѣды женской красоты этого племени; всѣ женщины тамъ безусловно прекрасны, и турки, скупая горскихъ красавицъ, до послѣднихъ дней предпочитали имъ только гуріекъ. Но изъ коренной Абхазіи давно уже вывезены лучшіе женскіе типы за море: на долю туземцевъ осталась только посредственность, и красота мужчинъ рѣзко преобладаетъ теперь надъ красотою женщинъ.

Россіи Абхазія досталась безъ затрудненій, безъ усилій, спустя шесть-семь лѣтъ послѣ занятія Грузіи; абхазцы сами изъявили готовность подчиниться Россіи. Въ 1810 году русскіе окончательно выгнали турокъ, господствовавшихъ въ странѣ въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, и, занявъ Сухумъ, утвердились на всемъ Черноморскомъ побережьѣ. Русское правительство, впрочемъ, заботилось

въ то время исключительно объ уничтоженіи турецкаго вліянія въ этихъ краяхъ и оставило тогдашняго владѣтеля Абхазіи, князя Сеферъ-бея Шервашидзе (въ христіанствѣ Георгія), полнымъ властелиномъ страны.

Но описанный выше характеръ абхазцевъ не обѣщалъ въ будущемъ ничего, кромѣ безконечныхъ смутъ; и, дѣйствительно, Абхазія и подъ властью Россіи осталась страною вѣроломства, предательства и интригъ, въ которыхъ не послѣднюю роль игралъ и самъ правитель ея. Русское вліяніе было ничтожно, поддерживаемое исключительно малочисленнымъ гарнизономъ въ Сухумѣ. За стѣнами Сухумъ-Кале уже не было безопасности. Самый гарнизонъ жилъ какъ бы въ постоянной блокадѣ: нужно ли было нарубить въ ближайшемъ лѣсу дровъ или накосить сѣна — солдаты посылались вооруженными командами; никто изъ абхазцевъ не впускался въ крѣпость вооруженнымъ; сторожевая цѣпь, съ ружьемъ у ноги, днемъ выдвигалась впередъ на сто шаговъ отъ крѣпости; на ночь она убиралась, но крѣпостныя ворота тогда запирались, и за стѣны выпускались собаки, которыя оберегали гарнизонъ отъ нечаянныхъ ночныхъ нападеній, громкимъ лаемъ давая знать о приближеніи абхазцевъ, которыхъ онѣ ненавидѣли.

Да и въ самомъ Сухумѣ положеніе гарнизона

было печально. Сухумъ городъ старый; его основаніе, также какъ и Поти, относится къ послѣдней четверти шестнадцатаго вѣка,—и это были первые пункты, построенные турками на берегу Чернаго моря, когда они подчинили своей власти Имеретію, Мингрелію, Гурію и Абхазію. Во время владычества турокъ Сухумъ имѣлъ около 6,000 жителей, крѣпость окружена была красивыми предмѣстьями со множествомъ тѣнистыхъ садовъ и пользовалась отличной водою, проведенною изъ горъ. По красотѣ мѣстоположенія Сухумъ обыкновенно называли вторымъ Истамбуломъ. Но послѣ занятія города русскими турки немедленно покинули предмѣстья; абхазцы вообще не имѣли обыкновенія жить въ городахъ, а русское населеніе не могло существовать въ сосѣдствѣ ихъ, при неустроенномъ состояніи края, — и Сухумъ опустѣлъ. Французскій путешественникъ Гамба, посѣтившій его въ 20 году, говоритъ, что крѣпость, построенная въ немъ изъ дикаго камня, съ четырьмя бастіонами по угламъ, имѣла видъ развалинъ. Городъ весь состоялъ изъ единственной улицы и базара, въ которомъ торговало до 60 наѣзжихъ армянъ—вотъ и все мирное населеніе Сухума. Дольше другихъ предмѣстій, за стѣнами крѣпости, держались деревянные бараки, занятые греческими и армянскими купцами и служившіе базаромъ, на который стекалось окрестное

населеніе; но лѣтъ за шесть до проѣзда Гамбы и эти бараки были уничтожены, потому что мало-помалу они обратились въ притонъ разбойниковъ и контрабандистовъ: подъ видомъ торговли здѣсь скрывались шайки хищниковъ, а греки и армяне, падкіе на барыши отъ продажи невольниковъ, помогали имъ въ нападеніяхъ на русскихъ солдатъ.

Климатъ былъ здѣсь прекрасный; въ Сухумѣ росли даже лавры, и наши солдаты употребляли ихъ просто на банные вѣники —парились лаврами. Но когда водопроводы были разрушены, а кругомъ крѣпости разостлались заразительныя болота, солдаты должны были пить вонючую воду, и въ крѣпости появились страшныя лихорадки. Гарнизонъ имѣлъ болѣзненный видъ несчастныхъ жертвъ, обреченныхъ на гибель. Половина солдатъ, дѣйствительно, и вымирала ежегодно; они знали это, но безропотно довѣрялись своей судьбѣ, не переставая исполнять тяжелую службу съ покорностію, свойственною русскому солдату.

Неудивительно, поэтому, что русскіе не могли ничего сдѣлать противъ постоянныхъ смутъ, царившихъ въ Абхазіи, и владѣтель тщетно жаловался на неповиновеніе народа. Одною изъ главныхъ причинъ такого положенія дѣлъ было то, что князь Георгій сдѣлался владѣтелемъ Абхазіи противъ желанія народа, болѣе склонявшагося въ пользу млад-

шаго брата его, Хассанъ-бея, человѣка желѣзнаго, предпріимчиваго характера, но, къ сожалѣнію, всею душою преданнаго мусульманству. И до самыхъ ермоловскихъ временъ страну терзали постоянныя междоусобицы. Владѣніе Абхазіею было сопряжено съ такими затрудненіями, что нѣсколько разъ возбуждался вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли отдать ее обратно туркамъ. Съ особенною настойчивостью мысль эта проводилась въ двадцатыхъ годахъ. Ермоловъ явился крайнимъ противникомъ этой мѣры.

Между тѣмъ совершенно новыя обстоятельства заставили русское правительство рядомъ усилій прочно и навсегда подчинить Абхазію своей власти. Первымъ изъ этихъ обстоятельствъ была смерть князя Георгія и поставленный ею вопросъ о наслѣдованіи абхазскаго владѣнія.

Князь Георгій Шервашидзе (Сеферъ-бей) скончался 7-го февраля 1821 года. Въ странѣ сейчасъ же закипѣла борьба партій. Уже 8-го числа жители селеній, сосѣднихъ съ Сухумомъ и подвластныхъ Хассанъ-бею, брату и личному врагу умершаго князя, собрались въ числѣ 200 человѣкъ и внезапно напали на русскую команду, посланную въ лѣсъ за дровами. Въ Сухумѣ услышали выстрѣлы, и комендантъ маіоръ Могилянскій отправилъ въ помощь къ атакованнымъ поручика Гришкова съ ротою пѣхоты и однимъ орудіемъ. При его

появленіи абхазцы разсѣялись. Команда возвратилась домой, потерявъ одного человѣка убитымъ и четырехъ ранеными.

Вопросъ о престолонаслѣдіи, между тѣмъ, зависѣлъ отъ воли русскаго императора, а пока шла переписка по этому поводу, правительницей была объявлена вдовствующая княгиня Тамара. Положеніе ея было весьма затруднительно, и она просила помощи; но сухумскій гарнизонъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы серьезно вмѣшаться въ дѣла страны, и комендантъ получилъ только повелѣніе, въ случаѣ необходимости, дать въ крѣпости убѣжище княгинѣ, которая легко могла бы попасть въ руки мятежниковъ.

Между тѣмъ Могилянскому приказано было всѣми средствами стараться захватить въ свои руки Хассанъ-бея, какъ одного изъ самыхъ опасныхъ противниковъ. Могилянскій прибѣгнулъ къ вѣроломству. Онъ пригласилъ его въ Сухумъ, подъ предлогомъ совѣщанія объ абхазскихъ дѣлахъ, и когда Хассанъ, какъ почетный гость, вошелъ въ его домъ,—на него набросилась толпа солдатъ, свалила его на полъ, сорвала съ него оружіе и связала веревками. Немногочисленная свита князя, стоявшая во дворѣ, услыша шумъ, догадалась въ чемъ дѣло и съ обнаженными шашками бросилась къ нему на выручку. Запертыя двери были сорваны съ петель;

Арестъ Хассанъ-Бея

но здѣсь солдаты встрѣтили нападавшихъ штыками: два цебельдинскіе князя были заколоты, остальные обезоружены.

Вѣсть объ арестѣ Хассанъ-бея подняла почти всю Абхазію. Братъ его, Арсланъ-бей, тотчасъ явился съ большими силами въ окрестности Сухума, и утромъ 11-го сентября, во главѣ значительной конницы, съ распущенными знаменами, торжественно проѣхалъ даже подъ самыми стѣнами крѣпости. Толпы его ежедневно росли. Комендантъ Сухума, подполковникъ Михинъ, смѣнившій Могилянскаго, настоятельно требовалъ помощи.

Правитель Имеретіи князь Горчаковъ собиралъ войска, а, между тѣмъ, въ это время изъ Петербурга прибылъ законный владѣтель Абхазіи, старшій сынъ покойнаго Георгія, князь Димитрій Шервашидзе, юноша, только что вышедшій изъ Пажескаго корпуса. Горчаковъ вмѣстѣ съ нимъ немедленно выѣхалъ изъ Кутаиса въ Абхазію. Сопровождаемые мингрельскою конницею, они догнали войска уже на походѣ, на самой границѣ Самурзакани, и здѣсь, 1-го ноября, получили извѣстіе, что Арсланъ-бей съ тремя тысячами горцевъ стоитъ въ крѣпкой позиціи между Кодорскимъ мысомъ и д. Хелассури.

Дорога отъ границъ Самурзакани идетъ по низменному песчаному морскому берегу, окаймленному съ одной стороны густымъ и трудно проходимымъ

лѣсомъ. Здѣсь-то, верстахъ въ четырехъ отъ Кодора, мингрельская конница, слѣдовавшая въ авангардѣ, первая наткнулась на непріятеля и понесла большія потери. Русская пѣхота также встрѣчена была сильнымъ огнемъ. Но князь Горчаковъ, не останавливаясь, двинулъ войска впередъ и овладѣлъ завалами. Напрасно горцы, вооруженные дальнобойными винтовками, пытались удержать наступленіе. Пушки расчищали дорогу, а въ лѣсу, на близкомъ разстояніи, и русскіе стрѣлки били не хуже черкесовъ. Непріятель, наконецъ, сталъ отступать и скрылся изъ виду. День этотъ стоилъ, однако, отряду двухъ офицеровъ и 75 нижнихъ чиновъ, при чемъ большая часть потери выпала на долю мингрельцевъ, дрогнувшихъ и смѣшавшихся при первомъ натискѣ горцевъ.

Съ прибытіемъ Горчакова въ Сухумъ волненія въ Абхазіи скоро затихли. Знатнѣйшія абхазскія фамиліи дали аманатовъ, и Арсланъ-бей долженъ былъ удалиться. 30-го ноября 1821 года, въ княжеской резиденціи Соупсу, при многочисленномъ собраніи князей и дворянъ страны и въ присутствіи русскихъ войскъ, князь Димитрій Шервашидзе торжественно провозглашенъ былъ владѣтелемъ Абхазіи, и князь Горчаковъ лично вручилъ ему знамя и мечъ, какъ знаки его верховнаго владычества.

Устроивъ дѣла въ Абхазіи, Горчаковъ возвра-

тился въ Имеретію, а въ Соупсу оставилъ двѣ роты егерей, что было весьма кстати, такъ какъ безпокойный Арсланъ-бей снова успѣлъ собрать значительныя партіи горцевъ и, спустя короткое время, напалъ на самую резиденцію Димитрія. Двѣ русскія роты отразили нападеніе.

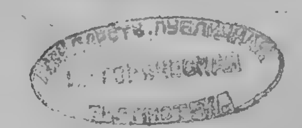
Новый владѣтель Абхазіи не принесъ, однако, странѣ спокойствія, какъ и она не дала ему ничего, кромѣ тяжкихъ заботъ и ранней смерти. Когда въ Петербургѣ получены были извѣстія о смерти Сеферъ-бея, Императоръ Александръ потребовалъ князя Димитрія, бывшаго въ Пажескомъ корпусѣ, въ Зимній дворецъ и лично объявилъ ему, что съ этой минуты онъ — владѣтель Абхазіи. Вечеромъ, приглашенный ко Двору, смущенный юноша сидѣлъ уже рядомъ съ русскимъ Государемъ и служилъ предметомъ общаго вниманія сильной петербургской знати. Теперь, брошенный судьбою съ далекаго сѣвера, изъ пышной столицы русскихъ монарховъ въ дремучіе лѣса своей полудикой родины, незнакомый народу и самъ не знавшій ни его языка, ни его обычаевъ, окруженный притомъ интригами партій, онъ не сумѣлъ взяться твердою рукой за кормило правленія и жилъ не полновластнымъ государемъ своей земли, а плѣнникомъ, за каждымъ шагомъ котораго слѣдили тысячи глазъ. И власть его естественно была кратковременна: 16-го октября

1822 года Димитрій умеръ внезапно, отравленный однимъ изъ приверженцевъ Арсланъ-бея.

Ближайшимъ наслѣдникомъ Абхазіи теперь остался младшій братъ его, князь Михаилъ, тогда еще 16-ти-лѣтній юноша, но уже обладавшій многими качествами, имѣющими высокую цѣну у кавказскихъ горцевъ: онъ былъ воспитанъ въ обычаяхъ родины, отлично стрѣлялъ изъ ружья, ловко владѣлъ конемъ и не боялся опасностей; въ молодыхъ лѣтахъ онъ уже участвовалъ въ битвахъ, и князь Горчаковъ свидѣтельствовалъ объ отличіяхъ, оказанныхъ имъ при усмиреніи послѣдняго абхазскаго возстанія. По ходатайству Ермолова Императоръ Александръ пожаловалъ ему чинъ маіора и утвердилъ владѣтелемъ.

Такъ вступилъ во владѣніе Абхазіей знаменитый князь Михаилъ Шервашидзе (по-абхазски Хамитъ-бей) — впослѣдствіи генералъ-адъютантъ русской службы, которому суждено было управлять страною 44 года, до окончательнаго покоренія Кавказа, когда владѣтельныя права князей Шервашидзе были, наконецъ, уничтожены, и Абхазія обратилась въ простую русскую провинцію.

Князь Михаилъ очутился въ еще болѣе тревожномъ положеніи, чѣмъ его покойный братъ. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы не вызвать попытокъ играть роль правителей со стороны сильныхъ

и знатныхъ вассаловъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя неизмѣримо выше, умнѣе и опытнѣе юнаго князя. И около него не нашлось искренно приверженныхъ людей, которые остерегли бы его отъ опасности; напротивъ, многіе изъ приближенныхъ къ нему явно держали сторону Арслана, а мать его своими безтактными дѣйствіями еще болѣе умножала число недовольныхъ. Сдѣлана была даже попытка отравить Михаила, такъ же какъ былъ отравленъ и Димитрій. Одинъ изъ дворянъ, по имени Урусъ Лаквари, поднесъ ему воду, насыщенную какимъ-то особеннымъ ядомъ. Но осторожный князь обмакнулъ въ воду кусокъ хлѣба и бросилъ его собакѣ; та тотчасъ же стала бѣшено бросаться на людей, и ее принуждены были убить. Преступника схватили, и послѣ сознанія, что онъ же отравилъ и Димитрія, повѣсили въ Соупсу на площади.

Молодой владѣтель съ удивительной энергіей и тактомъ умѣлъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; но онъ былъ еще слишкомъ юнъ и неопытенъ, чтобы бороться съ внутренними смутами и заговорами, нити которыхъ сосредоточивались тогда въ искусныхъ и сильныхъ рукахъ его дяди, Арсланъ-бея. И вотъ, въ апрѣлѣ 1824 года, волненія въ странѣ настолько усилились, что сухумскій гарнизонъ былъ вынужденъ напасть на одну деревню, гдѣ собирались мятежники. Деревня

была разрушена, жители разсѣяны; но на возвратномъ пути отрядъ попалъ въ густомъ лѣсу на засаду, и однимъ изъ первыхъ былъ убитъ храбрый начальникъ его, подполковникъ Михинъ. «Вѣроятно, — говоритъ Ермоловъ: — что за симъ послѣдовалъ нѣкоторый безпорядокъ, и онъ былъ причиной потери нашей, ибо убито и ранено 42 человѣка, что не весьма обыкновенно». Этой частной неудачи достаточно было, чтобы въ краѣ вспыхнулъ общій мятежъ. Владѣтель едва успѣлъ отправить свою мать въ Сухумъ, подъ защиту русскаго гарнизона, какъ былъ атакованъ въ Соупсу нѣсколькими тысячами абхазцевъ. Двѣ роты Мингрельскаго полка и два орудія, стоявшія въ княжескомъ домѣ, подъ командою капитана Марачевскаго, очутились въ блокадѣ.

Тревожная вѣсть объ этомъ скоро достигла до князя Горчакова, и правитель Имеретіи самъ двинулся изъ Кутаиса въ Абхазію на помощь осажденному владѣтелю. При переправѣ черезъ рѣку Ингуръ произошла первая, незначительная стычка съ мятежниками; но далѣе, по дорогѣ къ Сухуму, войска встрѣчали уже завалъ за заваломъ, и непріятель дрался упорнѣе. Такъ дошли до рѣки Кодора. Переправа взята была штурмомъ, и войска, при безпрерывномъ боѣ, дошли до села Дранды.

Отсюда дорога спускалась черезъ густой лѣсъ

къ морю, и потомъ, поворотивъ направо, шла вплоть до Сухума берегомъ, по глубокому песку, въ которомъ колеса орудій вязли по ступицу. Съ одной стороны ея шумѣло море, съ другой — высился сплошной страшный лѣсъ и подымались, одѣтые имъ, крутые контръ-форсы главнаго хребта, подпиравшіе ряды снѣговыхъ вершинъ, врѣзывавшихся въ горизонтъ зубчатою блестящею стѣною. Путь былъ тѣсенъ, мѣстами не шире 4 — 5 саженъ, и грозилъ опасностями, страшными именно своею неизвѣстностью. Въ этомъ-то мѣстѣ абхазцы и преградили русскимъ дорогу. Отъ самаго моря и до лѣса вытянулся высокій завалъ, прикрытый съ фронта развалинами старой генуэзской крѣпости и упиравшійся флангами съ одной стороны въ отвѣсный каменистый утесъ, съ другой—въ морскую пучину. Обойти его было нельзя, слѣдовательно его надо было взять штурмомъ, такъ какъ объ отступленіи не могло быть и рѣчи.

Поражаемыя почти въ упоръ сильнымъ огнемъ невидимаго противника, шесть ротъ пѣхоты, молча, безъ выстрѣла, двинулись на штурмъ и взяли завалъ штыками. Но за однимъ заваломъ тянулся рядъ другихъ. Трудно сказать, какая судьба постигла бы наступавшія войска безъ помощи судовъ, крейсировавшихъ у берега Чернаго моря. Это были: бригъ Орфей и фрегатъ Свѣтлана. Не теряя отряда

изъ виду, они медленно подвигались вдоль берега и анфилировали завалы прежде, чѣмъ войска устремлялись на приступъ. Не выдерживая картечнаго огня морскихъ корронадъ, горцы постепенно очищали завалъ за заваломъ, и, такимъ образомъ, они переходили въ наши руки уже безъ большихъ усилій.

Убѣдившись, что остановить наступленіе русскихъ нельзя, абхазцы разсыпались по опушкѣ лѣса и, оставивъ въ покоѣ солдатъ, стали стрѣлять исключительно по артиллерійскимъ и вьючнымъ лошадямъ. Скоро большая часть изъ нихъ была перебита, и отрядъ хотя дошелъ до Сухума, но тамъ выпужденъ былъ остановиться, такъ какъ не на чемъ было везти ни провіанта, ни снарядовъ, ни орудій. Болѣе шестисотъ убитыхъ лошадей лежали на морскомъ берегу и заражали воздухъ, что принудило на другой годъ нарядить два военные транспорта спеціально для отвоза ихъ остатковъ въ открытое море.

Отъ Сухума до Соупсу только тридцать верстъ, но узкая дорога опять пролегала по самому берегу моря подъ утесистыми скалами, одѣтыми почти непроходимымъ лѣсомъ. Отрядъ уже потерялъ около ста человѣкъ въ предшествовавшемъ бою, а потому князь Горчаковъ рѣшился миновать этотъ опасный путь, тѣмъ болѣе, что лошадей нельзя было достать даже подъ орудія. 20-го іюня половина от-

ряда сѣла въ Сухумѣ на суда и отправилась моремъ въ Бомборы, лежавшія всего въ пяти верстахъ отъ Соупсу. Тамъ, при помощи жестокаго огня съ русскихъ судовъ, войска вышли на лѣсистый берегъ и стали укрѣпленнымъ лагеремъ, въ ожиданіи остальной половины, которая не могла быть перевезена сразу по недостатку транспортнаго флота.

Только 23-го іюня явилась наконецъ, возможность двинуться на выручку владѣтеля. И была пора. Въ Соупсу двѣ русскія роты, защищавшія князя, изнемогали въ борьбѣ противъ скопища мятежныхъ абхазцевъ, общая численность которыхъ простиралась уже до 10 ти или 12-ти тысячъ человѣкъ.

Домъ владѣтеля, обычной абхазской архитектуры, отличался отъ остальныхъ только своими размѣрами, будучи несравненно выше ихъ и просторнѣе. Высокій плетневый заборъ съ широкими воротами огораживалъ обширный дворъ, отъ котораго влѣво, въ разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла, находилась старинная церковь. Здѣсь, въ этомъ дворѣ, и засѣли двѣ роты 44-го егерскаго полка, подъ командою капитана Марачевскаго, и съ ними 22 абхазца, оставшіеся вѣрными своему князю.

Послѣ нѣсколькихъ дней осады абхазцы прежде всего попытались занять церковь, какъ пунктъ, коман-

довавшій всею окрестностью. Это имъ удалось, и они стали обстрѣливать внутренность двора, что угрожало гарнизону неизбѣжною гибелью. И вотъ, однажды, ночью, 20 человѣкъ солдатъ, подъ командой офицера—имя котораго, къ сожалѣнію, утеряно — сдѣлали отчаянную вылазку, ворвались въ церковь и перекололи всѣхъ засѣвшихъ въ ней абхазцевъ, за исключеніемъ одного, успѣвшаго скрыться на хорахъ. Очистивъ церковь, они снова отступили въ ограду владѣтельскаго дома, потерявъ сами четырехъ человѣкъ убитыми. Этотъ урокъ подѣйствовалъ на непріятеля такъ сильно, что онъ не рѣшился болѣе занимать церковь, стоявшую, какъ показалъ ему опытъ, слишкомъ близко отъ руки и штыка русскаго солдата. Человѣкъ, уцѣлѣвшій въ церкви отъ побоища, былъ извѣстный впослѣдствіи абхазецъ Каца-Маргани, передавшійся позже всею душою на сторону владѣтеля. Разсказывая объ этомъ ночномъ происшествіи, Каца говорилъ, что, при одномъ воспоминаніи о немъ, его пробираетъ дрожь и что онъ, видѣвшій много рѣзни и крови на своемъ вѣку, не испытывалъ въ своей жизни ничего болѣе ужаснаго.

Но положеніе гарнизона представляло еще большія опасности съ другой стороны: на дворѣ владѣтельскаго дома не было колодца, и приходилось пользоваться водою изъ ручья, протекавшаго возлѣ

самой ограды. Но къ ручью велъ спускъ, около десяти саженъ, по совершенно открытому мѣсту, и непріятель, занимая всѣ пункты, съ которыхъ можно было бы обстрѣливать ручей, днемъ засыпалъ пулями каждаго, кто подходилъ къ водѣ, а ночью самъ приближался къ ручью и по берегу его закладывалъ цѣпь. Въ гарнизонѣ придумали, однако, другое, болѣе безопасное средство запасаться водою. У князя нашелся старый винный бурдюкъ. Его поставили на колеса, придѣлали къ верхнему концу его клапанъ, а къ нижнему грузъ, и въ этомъ видѣ пускали его катиться подъ гору прямо въ ручей; тамъ онъ наполнялся водою, веревка натягивалась и бурдюкъ втаскивали на гору. Нѣсколько дней гарнизонъ пользовался водою, добытою этимъ замысловатымъ способомъ. Непріятель осыпалъ бурдюкъ выстрѣлами, но пули скользили по его толстой и упругой оболочкѣ. Тогда нѣсколько абхазцевъ засѣли ночью у самой ограды, и когда, на разсвѣтѣ, бурдюкъ шелъ за водою, они напали на него и изрубили кинжалами; почти всѣ они заплатили жизнію за это отважное дѣло,—но другого бурдюка не было, и солдаты остались безъ воды. Послѣ нѣсколькихъ дней мучительной жажды прошелъ сильный дождь, и гарнизонъ на время успѣлъ запастись водою; но провіанта уже не было: люди доѣдали послѣднюю кукурузу, заготовленную для владѣтель-

скихъ лошадей, которыя всѣ были съѣдены уже прежде. Такъ прошло три недѣли.

И вотъ, однажды, Марачевскій увидѣлъ, что непріятель снимаетъ блокаду и тянется къ морю. Стало ясно, что съ той стороны нужно ждать скорой помощи. Марачевскій сдѣлалъ вылазку и выжегъ всѣ окрестныя селенія, служившія для непріятеля притономъ и закрытіемъ.

Прошло еще два дня, и, 23-го іюня, перекаты ружейной и пушечной пальбы, огласившіе горы и лѣсъ, дали знать, что помощь приближается. Это дѣйствительно, шелъ изъ Бомборъ князь Горчаковъ. Но его движеніе по дремучему лѣсу, при безпрерывной перестрѣлкѣ и схваткахъ съ непріятелемъ,— съ орудіями, которыя за неимѣніемъ лошадей, приходилось тащить на людяхъ, – представляло такія неимовѣрныя трудности, что на переходъ пятиверстнаго разстоянія, отъ Бомборъ до Соупсу, требовалось не менѣе (если, пожалуй, еще не болѣе) сутокъ. По счастію, смѣлый Марачевскій сдѣлалъ новую вылазку въ тылъ непріятеля, и абхазцы, поставленные между двухъ огней, разсѣялись. Княжескій домъ былъ, наконецъ, освобожденъ отъ блокады.

Ермоловъ самъ назначилъ капитану Марачевскому орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Присутствіе сильнаго русскаго отряда, разсѣяв-

шаго главныя силы мятежниковъ, принесло изнуренной междоусобіями странѣ лишь кратковременное успокоеніе. Какъ только войска вернулись въ Имеретію, и снова остался въ Абхазіи одинъ сухумскій гарнизонъ, опять закипѣли и смута и волненія. Правда, попытокъ одолѣть молодого князя и на его гибели создать новое правленіе уже больше не было; абхазцы въ походѣ Горчакова видѣли примѣръ того, какую непреодолимую защиту князь имѣетъ въ Россіи,—и власть его упрочилась. Но по всей странѣ стояло броженіе, шла борьба партій, и мелкія шайки разбойниковъ повсюду нападали на приверженцевъ и сторонниковъ князя Михаила. Бывали даже случаи открытыхъ нападеній и на русскія команды. Такъ, напримѣръ, въ декабрѣ 1826 года, абхазцы атаковали небольшой отрядъ, высланный изъ Сухума въ лѣсъ за дровами, и въ упорномъ бою убили 5 казаковъ и 17 ранили. Все это являлось какъ бы нормальнымъ состояніемъ края, а между тѣмъ, пользуясь этимъ, несчастную страну терзали особенно убыхи, свирѣпые и вольные наѣздники, пускавшіеся въ свои набѣги не для добычи, не изъ нужды въ средствахъ существованія, а просто изъ неугомонной страсти къ приключеніямъ и грабежамъ.

Къ счастію, убыхи къ этому времени получили хорошій урокъ и стали осторожнѣе. Разъ, какъ-то

лѣтомъ, еще въ 1823 году, партія ихъ болѣе чѣмъ въ тысячу человѣкъ, предпринимавшая набѣгъ, была замѣчена въ горахъ абхазскими пастухами и попала въ ловушку. Предупрежденные абхазцы, позволивъ ей спуститься на равнины, немедлено заняли всѣ горные проходы, чрезъ которые хищники могли отступить,—и вся партія сдѣлалась жертвою неосторожности. Палъ въ битвѣ и самъ предводитель ея. Съ тѣхъ поръ убыхи ограничили свои набѣги зимнимъ временемъ, когда имъ приходилось преодолѣвать неимовѣрныя трудности.

Такъ дѣло шло до начала 1827 года, когда, по выраженію Паскевича, «Абхазія свернула, наконецъ, знамя бунта и въ чистосердечномъ раскаяніи въ своемъ безуміи, дорого стоившемъ ей отъ междоусобнаго кровопролитія, изъявила готовность покорствовать священной волѣ всеавгустѣйшаго монарха».

Остается сказать нѣсколько словъ о трагической судьбѣ одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей абхазскаго возмущенія,—о Хассанъ-беѣ. Захваченный въ Сухумѣ Могилянскимъ, онъ напрасно старался выставить себя сторонникомъ Россіи и приводилъ въ доказательство свои заслуги передъ нею. Всѣ объясненія его не послужили ни къ чему: онъ былъ сосланъ

въ Сибирь, гдѣ въ Иркутскѣ и прожилъ до 1828 года, когда ему позволили вернуться на родину. Гордый абхазскій князь уединенно и мрачно провелъ эти годы изгнанія, не прося ни участія, ни снисхожденія. Съ однимъ онъ не могъ помириться—съ потерею дорогого для него оружія. Неоднократно обращался онъ и въ Тифлисъ и въ Петербургъ, прося единственной милости—возвращенія ему завѣтной шашки, отобранной у него Могилянскимъ при арестованіи.

Онъ писалъ, что шашка эта досталась ему по наслѣдству отъ предковъ, что по добротѣ и древности своей она не имѣетъ цѣны и извѣстна цѣлой Абхазіи. Ему не отвѣчали. Но когда онъ вернулся изъ Сибири, то принялся хлопотать съ такою настойчивостью, что просьба его дошла, наконецъ, до самого Государя. Императоръ Николай рыцарскимъ чувствомъ оцѣнилъ всю важность утраты азіатскаго князя и приказалъ во что бы то ни стало разыскать шашку По резолюціи Государя сабля была отобрана у Могилянскаго, и Хассанъ-бей имѣлъ удовольствіе получить ее ровно черезъ 11 лѣтъ послѣ своего ареста.

Возвратившись изъ Сибири, Хассанъ поселился въ Келассури, окруживъ себя угрюмой воинственной обстановкой. Его рубленый деревянный домъ, имѣвшій видъ широкой четвероугольной башни,

стоялъ на высокихъ каменныхъ столбахъ; крытая, обхватывавшая весь домъ галлерея, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лѣстница, облегчала его оборону; дворъ былъ окруженъ высокимъ палисадомъ съ бойницами, въ которомъ имѣлась лишь тѣсная калитка, способная пропустить только одного человѣка или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружавшій его палисадъ, на эту маленькую, плотно закрытую калитку, чтобы понять всегдашнее состояніе подозрительности и опасенія, въ которомъ Хассанъ-бей проводилъ свою жизнь.

Тревожное положеніе Абхазіи вообще, личная вражда, которую онъ успѣлъ возбудить во многихъ, нѣсколько покушеній на его собственную жизнь—заставляли бея не пренебрегать никакими предосторожностями. Баронъ Торнау, навѣстившій его во время своего извѣстнаго путешествія въ горы, такъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ: «Подъѣхавъ къ дому,—говоритъ онъ:—я остановился и послалъ узнать, желаетъ ли Хассанъ-бей видѣть у себя проѣзжаго. Пока обо мнѣ докладывали, прошло хорошихъ полчаса. Въ это время разсматривали изъ дому меня и моихъ конвойныхъ съ большимъ вниманіемъ. Безпрестанно показывались у бойницъ разныя лица, вглядывались въ меня пристально и потомъ исчезали. Наконецъ, калитка отворилась и Хассанъ-бей вы-

шелъ ко мнѣ навстрѣчу, имѣя за собой нѣсколько абхазцевъ съ ружьями. Я увидѣлъ въ немъ плотнаго человѣка, небольшого роста, одѣтаго въ богатую черкеску, съ высокою турецкою чалмою на головѣ, и вооруженнаго двумя длинными пистолетами въ серебряной оправѣ. Одинъ изъ нихъ онъ держалъ въ рукѣ, готовый для выстрѣла. Кто только знавалъ Хассанъ-бея, не помнитъ его безъ этихъ пистолетовъ, спасавшихъ его раза два отъ смерти, и изъ которыхъ онъ стрѣлялъ почти безъ промаха».

Въ Сухумѣ онъ никогда не бывалъ, имѣя къ нему непреодолимое отвращеніе со времени своей ссылки въ Сибирь. Но время шло, и, въ концѣ концовъ, Хассанъ примирился съ русскимъ владычествомъ и новымъ установившимся порядкомъ дѣлъ на его родинѣ.

В. Потто.

